

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК: 94 (575.1)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА)

Алимджанов Б. А.

Независимый исследователь

100110, г. Ташкент, Чиланзар 1-14-21, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация региональной истории в мировой и узбекистанской исторической науке. Основной акцент сделан на становление и специфику развития региональной истории в современном Узбекистане. Автор, основываясь на трудах узбекистанских историков, приходит к выводу, что в современной узбекистанской исторической науке доминирует история регионов, а не региональная история. Неоднозначность и разноправленность академических и околонучных кругов в Узбекистане порождает реставрацию и усиление больше локальных, чем общерегиональных идентичностей.

Ключевые слова: Узбекистан, региональная история, краеведение, история регионов, идентичность.

PROBLEMS OF REGIONAL HISTORY: A VIEW FROM UZBEKISTAN

B. Alimdjanov

Independent Researcher

1-14-21 Chilanzar, Tashkent 100110, Uzbekistan

Abstract. The article analyzes Uzbek as well as international interpretations of regional history. The main focus of attention is on the formation of regional history and its specific character in modern Uzbekistan. On the basis on works published by Uzbek historians, the author concludes

that the history of the regions, rather than regional history, is being predominant in Uzbekistan at the moment. The ambiguous character and heterogeneity of Uzbek academic and pseudo-scientific circles gives rise to the restoration and strengthening of local rather than common regional identities.

Keywords: regional history, Uzbekistan, local history, history of regions, identity.

Идея высказать свое отношение к перспективе развития региональной истории в узбекистанской исторической науке возникла после лекции проф. Д. А. Алимовой на I-х Самаркандских чтениях в октябре 2018 г. В западных университетах (особенно в Великобритании) и научных центрах имеются свои многолетние традиции региональной истории, например Манчестерском центре региональной истории (с 1987 г. издается *Manchester Region History Review*), Центре локальной и региональной истории Университета Эссекса. Отметим также специальные программы подготовки исследователей по локальной и региональной истории в Ланкастерском университете, университетах Ноттингема, Сассекса и др. [13, с. 189]. В Российской Федерации с 2000-х гг. существует центр «Новой локальной истории», объединивший историков и этнологов Москвы и Ставрополя. Проф. Д. А. Алимова ратует за междисциплинарность в исторической науке, чтобы выйти из «онтологической» замкнутости и эпистемологического кризиса отечественной исторической науки. В узбекистанской исторической науке наблюдаются попытки преодоления «старых» форм познания и смело набирает обороты поиск новых форм историописания. Думаю, что усилия узбекистанских историков дадут в скором времени свои плоды в виде собственного журнала по региональной истории и исследовательского центра.

Региональная история – это история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе [8, с. 212]. Определение, данное А. Мегиллом региональной истории, «игнорирует» категорию пространства или минимизирует влияние локуса (лат. «место») на историческую данность. Региональная история имеет «предшественниц» – локальная история, микроистория, краеведение. Основой региональной истории, в отличие от других схожих исторических дисциплин, является социокультурное измерение человеческой практики, т.е. география, история и экономика, взятая каждая в отдельности, не могут дать ответы на современные вызовы исторической науки. В мировой исторической науке проблема региональной истории отчетливо проявляется как тенденция перевести обсуждение перспектив региональной истории в контекст более специализированной интеллектуальной традиции историко-географических исследований или так называемой географической истории, изучающей пространственную сторону исторического процесса [20–22]. Историческая география, интерпретирующая исторические процессы в пространственном отношении и маркирующая людские практики обитаемой средой, не может охватить всю палитру исторических процессов.

Перед исторической наукой встают другие, не менее важные вопросы, пре-

одолевающие детерминизмы (географический, политический и др.). Например, в европейской исторической науке широко распространено изучение региональных идентичностей [23–26]. Проблема идентичности, несмотря на всю свою «социальность», определяется воображаемым локусом, т.е. понятие пространства как времени становится эластичным и динамичным. Интересно, что в российской науке значимое место в регионалистике занимает ее «политологическая версия» [2; 3; 11; 18]. Новые подходы в исторической науке, а также культурологический поворот создали инструменты для применения категории пространства для объяснения проблемы фронта, воображаемых границ и перцепции локуса в политике и идеологии. Поэтому в последнее время региональные исследования занимают важное место в «новой истории империй» [4; 6; 14].

Проблемным понятием является «регион». В. Г. Рыженко предлагает такую классификацию существующих интерпретаций этого понятия: «административно-территориальная (политико-административная или юридическая); философская (особо важная для изучения истории культуры региона, так как в ней акцент переносится на менталитет, образ мышления, традиции, мироощущение обитателей того или иного региона, что сближает регионоведение с новейшими направлениями в исторической науке); историческая трактовка региона способствует восстановлению утраченной со временем идентичности; геополитическое понимание региона (акцент переносится на соотношение центров «мощи» и «слабости» в пространственной дифференциации различных политических

сил); экономический регион (обозначение территории с четко выраженной специализацией производства и хозяйственной целостностью) [15].

А. Мегилл определяет регион как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национально-государственного и глобального» [8]. Относительно концепта «регион» известный историк А. Н. Медушевский дал следующее определение: «регион, следовательно, есть интегральная категория, объединяющая различные параметры системных классификаций объекта – от экономики и права до исторической географии и социальной психологии» [9, с. 4]. Для историка Е. А. Чернова «регион» в региональной истории есть не данность, а искомое. Поэтому изначально при таком подходе предметно-дисциплинарное поле не может рассматриваться как «история регионов» [19, с. 42].

Возникновение региональной истории связано с монографией известного французского историка М. Блока «Иль де Франс, страна вокруг Парижа», изданный в 1913 г. Российские историки С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева считают, что «корни региональной истории надо искать в изменениях, происходивших в исторической науке второй половины XIX – начала XX в.» [12, с. 7]. Они считают, что причина возникновения региональной истории порождена «неудовлетворенностью историков историческим принципом государственной централизации» [12, с. 7]. Среди историков наблюдается тенденция разграничить понятия местной (краеведение) и региональной истории. Согласно Л. А. Репиной, местная история (краеведение) служит способом мобилизации исторической

памяти, региональная история – эффективный инструмент исторического познания [14, с. 183–192]. Таким образом, по мнению С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой, в структуру истории «локуса» входят историческое краеведение, региональная история и новая локальная история. Региональная и новая локальная история являются постнеклассической моделью исторической науки [12, с. 8–9]. Л. П. Репина подчеркивает, что задача изучения «специфических форм регионализма и культурной идентификации локальных и региональных субъектов («региональной идентичности») связывается с признанием роли социокультурного фактора в процессах региональной модернизации» [13, с. 186; 10, с. 16; 11].

Кратко остановлюсь на подходах, методах и проблемах региональной истории. Проф. А. Н. Медушевский считает, что ключевой методологической проблемой является определение границ региона [9, с. 5–6]. Для проф. А. Н. Медушевского региональная история может существовать только в рамках глобальности. Таким образом, он отказывается «региону» (локусу) в самостоятельности, исходя из концепта Другого. Нужно отметить, что исследователь пытается ввести категорию «регион» в исторические рамки, в результате такой «историзации» происходит тотальная редукция или «полуредукция» социальных и исторических категорий. Думаю, проф. А. Н. Медушевский пытался довести до логического конца историзирование через междисциплинарность, в результате чего мы наблюдаем довольно схематическую модель действительности.

В качестве решения методологической проблемы региона проф.

А. Н. Медушевский предлагает три подхода: онтологический (географический), конвенционалистский и социально-психологический. Исходя из его «логики», возьмем, к примеру, Ферганскую долину. В онтологическом (географическом) подходе она находится на востоке Узбекистана, куда входят Наманганская, Ферганская и Андижанская области, спор здесь возможен только в экономико-географическом плане; в конвенционалистском подходе она зависит от исследователя, который сам определяет границы исследуемого объекта; третий подход связан с «ментальной географией», т.е. самоопределение населения (например, ферганцы и т.д.). Нужно учесть, что вышеперечисленные три подхода не смогут договориться между собой о проблеме «границы». Например, на севере Ферганы находится территория Киргизии, на юге – Таджикистана.

А. Н. Медушевский считает, что междисциплинарные подходы не только способствуют преодолению этих трудностей – созданию объемного образа региона, но и раскрывают объективное противоречие различных направлений его позиционирования и саморепрезентации. Поэтому в современной регионалистике важна комбинация подходов, ситуационный анализ и моделирование, прежде всего – использование таких методов, как системность, вариативность и функционализм [9, с. 6–7]. Ниже кратко рассмотрим каждый из этих методов, предложенных проф. А. Н. Медушевским.

Системность – означает рассмотрение региона как подсистемы более крупной (интернациональной или национальной, международной

или государственной) системы [9, с. 7]. Основным ключом для понимания системности является смена геополитических координат, например, Ферганская долина до 1876 г. была в составе Кокандского ханства, потом она оказалась под властью Российской империи и Советов, после 1991 г. стала территорией трёх республик. Также для понимания региона в системном методе нужно применять инструмент «центр-периферия». Концепт «центр-периферия» эластичен, он «передвигался» исходя из геополитического расклада сил. Моделирование регионального развития включает ситуационный анализ – определение основных параметров и вариативность характера их взаимодействия [9, с. 8]. В моделировании нужно исходить из социально-экономической ситуации; также оно зависит от уровня модернизации и проблем централизации-децентрализации политической системы. Думаю, что инструмент «центр-периферия» приложим к истории Узбекистана и поможет раскрыть внутреннюю сущность и механизм региональной истории.

Существуют и другие модели объяснения региональной истории. Например, в отличие от А. Н. Медушевского, украинскому учёному Е. А. Чернову важен поиск и обнаружение «регионального» одним из важнейших методов, позволяющих надеяться на приближение к желанному синтезу. Этим путем является использование типологизации посредством компаративистских методов, а результаты в итоге могут быть наиболее удобно и продуктивно представлены методом картографической визуализации [19, с. 47].

Одним из важных компонентов региональной истории является констру-

ирование образа (имиджа) региона. Например, Ферганская долина описывается как один из «древнейших земледельческих регионов Центральной Азии» или «зона встречи цивилизаций» и т.п. Чрезвычайно перспективно выяснение тех параметров, в которых «регион», как устойчивое образование, выражает себя в сознании разных эпох. Выстраивание позитивного образа региона включает обращение к синтезу региональной и национальной культуры, причем в последней подчеркиваются именно те элементы, которые «работают» на интернациональный престиж региона в целом [19, с. 12], что важно на современном этапе развития туризма в Узбекистане.

С советских времен в узбекистанской науке развивалось историческое краеведение, локальная история и историческая география. После 1991 г. в отечественной исторической науке также развиваются некоторые направления региональной истории, например, можно указать работы группы историков под руководством проф. Д. Х. Зияевой по истории городов Узбекистана, а также фундаментальный труд А. Маликова «История Самарканда» (2017). Несмотря на прорыв, наблюдается «крен» в сторону «регионализма» и исторического краеведения. Например, некоторые региональные («периферийные») историки и этнографы Узбекистана пишут интересные работы, которые утверждают больше локальные идентичности, чем общереспубликанские или общенациональные. То есть в основном пишутся работы, которые можно определить как «история регионов», а не региональная история. В региональных исследованиях больше изучается история пле-

мен [1; 5, с. 66, 70–71] и выдающихся исторических личностей, сыгравших значительную роль в локальной культуре (святые, суфии, шейхи и др.). Неоднозначность и разноправленность академических и околонаучных кругов в Узбекистане порождает реставрацию и усиление больше локальных, чем общерегиональных идентичностей [1; 7; 17].

Один из «периферийных» историков, М. Ш. Усмонов считает племя кунгратов «одним из крупных субэтнических компонентов в составе узбекского народа». Также он выделяет кунгратов из состава узбекского народа и ссылается на общетюркскую идентичность, когда пишет, что «кунграты, будучи неотъемлемой частью узбекского, каракалпакского, казахского и др. народов, занимают особое место в общетюркской культуре» [16, с. 297]. Что подразумевает исследователь под «общетюркской культурой», остается загадкой. Также исследователь отмечает, что кунграты сохранили свой язык и самобытность и живут по традициям своего рода, а не по «общенациональной идее», сконструированной столичными историками и идеологами нациестроительства. Это свидетельствует о том, что население южных районов Узбекистана (Сурхандарья, Кашкадарья, Бухара) являются в основном скотоводами и земледельцами, которые сохранили свою идентичность и этничность, несмотря на процесс модернизации и глобализации. Думаю, что «замена» истории регионов региональной историей повысит научность «региональных» историков.

Считаю, что наиболее эвристичным инструментом в региональной истории будет «история пограничных об-

ластей», которая означает «опыт (хотя и неоднозначный) совместного существования разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания» [13, с. 184]. Известно, что регионы Узбекистана поликультурны и многонациональны и данный подход в описании исторических процессов даст хороший результат.

Считаю также, что одной из самых важных проблем является методологическая проблема региональной истории и её применимость к регионам Узбекистана. В качестве рабочей гипотезы я предлагаю концепт «региональность», что раскроет сущность регионального. «Региональность» выражается в реализации идентичности и саморепрезентации населения, в первую очередь в дискурсе историка, воспроизводящего устоявшиеся и подвергающиеся анализу местные практики. Выражение региональности должно отражаться в региональной истории «концентрацией» макро- и микроистории. Синтез методов макро- и микроистории в региональной истории даст историку новые области исследования и раскроет научный потенциал исторической науки. Междисциплинарность и полидисциплинарность станут основой региональной истории. «Для нас, – пишут С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, – междисциплинарный подход – изучение объекта истории средствами различных гуманитарных и социальных наук, полидисциплинарность – имманентное свойство объекта/предмета исследования, конструирование которого идет в предметном поле нескольких гуманитарных и социальных дисциплин» [12, с. 10].

Думаю, что переход к региональной истории нужно начинать с историографии истории регионов и краеведения. В узбекистанской исторической науке накопилось довольно много работ, количественно и «качественно» описывавших регионы Узбекистана. Задача историографии на данном этапе состоит в критическом осмыслении истории регионов с помощью нового инструментария, т.е. философии и истории науки. Мы не призываем к огольной деструктивной критике, мы призываем изложить историографию истории регионов и исторического краеведения с точки зрения постнеклассической исторической науки, т.е. разделить их на следующие этапы: классический, неклассический и постнеклассический периоды. В начале статьи мы упоминали, что региональная история – модель постнеклассической

истории. Региональная история станет лакмусовой бумажкой для историографических изысканий. Четкое разграничение между этими моделями исторической науки станет подспорьем для дальнейшего развития региональной истории. Следующим шагом станет определение «локуса» в истории Узбекистана и конструирование «собственного» времени и пространства региональной истории. Считаем, что осуществления поставленных задач необходимо добиваться в ближайшее время, для этого нужно создать собственную школу по региональной истории. В противном случае узбекистанская историческая школа будет играть роль «догоняющего», а не локомотива в мировой исторической науке.

Статья поступила в редакцию 11.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимджанов Б. А. Неотрадиционализм как маркер идентичности в современном Узбекистане // Азия и Африка: наследие и современность: материалы XXIX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. Т. 1. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2017. С. 373–374.
2. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЕН, 2006. 280 с.
3. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб.: Изд. В. М. Михайлова, 1998. 659 с.
4. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. П. И. Савельева. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
5. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 323 с.
6. Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов. (Подходы и практики в современных региональных исследованиях) / Под ред. В. И. Худяковой, Т. А. Сабуровой. Омск: Омский педагогический ун-т, 2009. 191 с.
7. Маликов А. М. Узбеки группы «сарай» долины Зеравшана в XIX– начале XX вв. // Научный Вестник Бухарского государственного университета. 2007. № 3. С. 5–10.
8. Мегилл А. Границы как историческая и теоретическая проблема // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 212–214.
9. Медушевский А. Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история. 2009. № 3. С. 3–15.
10. Мосолова Л. М. Историография XX века о глобальном и региональном в развитии

- культуры // Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени. СПб.: Астерион, 2002. С. 12–16.
11. Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М.: Институт Африки РАН, 1999. 157 с.
 12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: Сб. статей и материалов Всероссийской научной конференции. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012. С. 3–10.
 13. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI в.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
 14. Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд., 2004. 382 с.
 15. Рыженко В. Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: URSS ЛКИ, 2011. С. 330–342.
 16. Усмонов М. Ш. Трансформация этнокультуры кунгратов южного Узбекистана // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 297–302.
 17. Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент: Общество философов Узбекистана, 2013. 336 с.
 18. Фадеева Л. А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушка, 2006. 304 с.
 19. Чернов Е. А. Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вип. 8. С. 38–48.
 20. Baker Alan R. H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge; N. Y., 2003. 281 p.
 21. Baker Alan R. H. *Place, Practice and Structure*. Cambridge, 1988. 231 p.
 22. Grabowski R., Self S., Shields M. P. *Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach*. L.: Routledge, 2007. 336 p.
 23. *British Regionalism, 1900–2000*. Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L.: Mansell, 1989. 310 p.
 24. *Issues of Regional Identity*. In Honour of John Marshall. Ed. by E. Royle. Manchester, 1998. 272 p.
 25. Gerson S. *The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France*. Ithaca, 2003. 344 p.
 26. *Society, Religion and Culture in Seventeenth-Century Nottinghamshire*. Ed. by M. Bennett. Lewiston : The Edwin Mellen press, 2005. 244 p.

REFERENCES

1. Alimdzhanov B. A. [Neo-traditionalism as a marker of identity in contemporary Uzbekistan]. In: *Aziya i Afrika: nasledie i sovremennost': materialy XXIX Mezhdunarodnogo kongressa po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21–23 iyunya 2017 g. T. 1* [Asia and Africa: the heritage and modernity: proceedings of the 29th International Congress on historiography and source studies of Asia and Africa, 21–23 June 2017. Vol. 1]. Saint Peterburg, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, 2017, pp. 373–374.
2. Busygina I. M. *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 280 p.
3. Gladkii Yu. N., Chistobaev A. I. *Osnovy regional'noi politiki* [The basics of regional policy]. Saint Peterburg, 1998. 659 p.

4. Savelyev P. I., ed. *Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.)* [Russian Imperial system in the regional dimension (19th – early 20th centuries)]. Moscow, MONF Publ., 1997. 237 p.
5. Karmysheva B. Kh. *Ocherki etnicheskoi istorii yuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana* [Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 323 p.
6. Hudakova V. I., Saburova T. A., eds. *Lokal'nye soobshchestva imperskoi Rossii v usloviyakh sotsial'nykh konfliktov (Podkhody i praktiki v sovremennykh regional'nykh issledovaniyakh)* [The local communities of Imperial Russia in conditions of social conflict (approaches and practices in modern regional studies)]. Omsk, Omskii pedagogicheskii un-t Publ., 2009. 191 p.
7. Malikov A. M. [Uzbeks of “saray” group in the Zerafshan Valley in the 19th – early 20th centuries]. In: *Nauchnyi Vestnik Bukharskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific Journal of Bukhara State University], 2007, no. 3, pp. 5–10.
8. Megill A. [Borders as a historical and theoretical problem]. In: *Teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Theory and methods of history: step into the 21st century: materials of International scientific conference]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 212–214.
9. Medushevskii A. N. [Regional history in the global dimension]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2009, no. 3, pp. 3–15.
10. Mosolova L. M. [Historiography of the 20th century on global and regional culture]. In: *Regiony Rossii: Sotsiokul'turnye konteksty khudozhestvennykh protsessov Novogo i Noveishego vremeni* [Regions of Russia: sociocultural contexts of the artistic processes in modern and contemporary history]. St. Peterburg, Asterion Publ., 2002, pp. 12–16.
11. Nechaev V. D. *Regional'nyi mif v politicheskoi kul'ture sovremennoi Rossii* [Regional myth in the political culture of contemporary Russia]. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 157 p.
12. Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. [Terminological problems in the study of the locus history]. In: *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya: Sb. statei i materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Regional history, local history, local historical studies in the subject fields of modern historical knowledge: a collection of articles and materials of the all-Russian scientific conference]. Izhevsk, Publishing center “Udmurt State University” Publ., 2012, pp. 3–10.
13. Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI v.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the turn of the 21st century: social theories and historiographical practice]. Moscow, Krug” Publ., 2011. 560 p.
14. Miller A. I., ed. *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive* [The Russian Empire in a comparative perspective]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 382 p.
15. Ryzhenko V. G. [History, regional studies, cultural studies: opportunities for cooperation on the issue of “the appropriation of the past”]. In: Repina L. P., ed. *Istoricheskaya nauka segodnya: problemy, metody, perspektivy* [History today: problems, methods, prospects]. Moscow, URSS Publ., 2011, pp. 330–342.
16. Usmonov M. Sh. [The transformation of the ethnic culture of the Kungrat from southern Uzbekistan]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2013, no. 1 (48), pp. 297–302.
17. *Khorezm v istorii gosudarstvennosti Uzbekistana* [Khorezm in the history of Uzbek statehood]. Tashkent, Society of Philosophers of Uzbekistan Publ., 2013. 336 p.

18. Fadeeva L. A. *Skvoz' prizmu politicheskoi kul'tury: natsiya, klass, region* [Through the prism of political culture: nation, class, region]. Perm, Pushka Publ., 2006. 304 p.
 19. Chernov E. A. [Regional history: the experience of theoretical interpretation]. In: *Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik*, 2006, iss. 8, pp. 38–48.
 20. Baker Alan R. H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge; N. Y., 2003. 281 p.
 21. Baker Alan R. H. *Place, Practice and Structure*. Cambridge, 1988. 231 p.
 22. Grabowski R., Self S., Shields M. P. *Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach*. L., Routledge, 2007. 336 p.
 23. *British Regionalism, 1900–2000*. Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L. Mansell, 1989. 310 p.
 24. *Issues of Regional Identity*. In Honour of John Marshall. Ed. by E. Royle. Manchester, 1998. 272 p.
 25. Gerson S. *The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France*. Ithaca, 2003. 344 p.
 26. *Society, Religion and Culture in Seventeenth-Century Nottinghamshire*. Ed. by M. Bennett. Lewiston, The Edwin Mellen press, 2005. 244 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: felix_1985@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

*Bakhtiyor A. Alimdjano*v – PhD in Historical sciences, independent researcher;
e-mail: felix_1985@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алимджанов Б. А. Проблемы региональной истории (взгляд из Узбекистана) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 28–37.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37

FOR CITATION

Alimdjano

B. Problems of Regional History: a View From Uzbekistan. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 28–37.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-28-37